

Ценности и смыслы

ОТ ПРАВДЫ К ИСТИНЕ: НА ПУТИ ПОЗНАНИЯ

А.Н. ЧУМАКОВ

Проблема истины в истории философии и науки всегда была не только предметом серьезного внимания различных мыслителей, но и темой творческих баталий, острейших споров и дискуссий. Так, уже ко времени, когда Понтий Пилат задал Иисусу свой знаменитый вопрос «Что есть истина?», философия имела дело с этой проблемой не менее пяти столетий, в течение которых далеко не только Парменид, Демокрит, Сократ, Платон, Аристотель, Эпикур или Лукреций концентрировали на ней свое внимание¹. И, тем не менее, у римского прокуратора Иудеи были все основания задать свой вопрос в контексте тех, теперь уже хрестоматийных событий. Прошло еще более тысячи лет, и известный спор о «двух истинах» в средневековой философии только подтвердил актуальность данной проблемы и незавершенность дискуссии по ней. Затем было Новое время, когда вопросы познания и обретения истинного знания снова оказались в центре внимания философии и формировавшейся тогда науки. Но ни эта эпоха, ни последовавшие за ней XIX и XX века, в течение которых с позиции различных школ и направлений проблеме истины уделялось еще больше внимания, не внесли той ясности в обсуждаемую проблему, которая сняла бы ее актуальность или хотя бы ослабила к ней научный и практический интерес².

И сегодня в вопросах о том «что есть истина?», каково ее содержание, на основании каких критериев она устанавливается, какова сфера приложения истинного знания и т.п., ясности и согласия, пожалуй, не больше, чем на заре философского творчества, на что указывают и ведущие специалисты в области эпистемологии³. Объяснение данному феномену следует искать в самом процессе познания – явлении не менее загадочном и захватывающем, имманентно присущем каждому человеку, главной целью которого как раз и является установление истины. Однако здесь мы еще больше усложняем задачу, поскольку вступаем в область субъект-объектных отношений, где роль субъективного фактора, т.е. человека, с его потребностями, желаниями, интересами, оказывается ключевой, определяющей. Как следствие, проблема определения и установления истины лишь усложняется, что хорошо дополняется известным выражением великого немецкого философа и математика Готфрида Лейбница о том, что «если бы геометрические аксиомы затрагивали интересы людей, они бы опровергались»⁴.

Язык как средство и инструмент познания еще больше добавляет трудностей и вопросов к решению данной проблемы, поскольку в стремлении разобраться в существе дела, решая какую-то задачу, т.е. желая понять реальность таковой, как она есть на самом деле, человек, стремящийся к истине, обычно мыслит и говорит с позиции субъективного восприятия этой реальности, что определяется категориями «*правда*» или «*заблуждение*». При этом с целью обосновать то, что именуется истиной, люди, опираясь на знание, веру, убеждения, высказывают свои догадки и предположения, строят доказательства. А случись, что в данном процессе окажутся затронутыми их интересы, противоречащие реальности, они могут прибегнуть и ко *лжи*, выдавая ее за *правду*.

Итак, в стремлении ответить на вопрос «что есть истина?», мы с необходимостью должны обратиться к таким понятиям, как «*знание*», «*вера*», «*познание*», «*неистина*», «*правда*», «*ложь*», «*заблуждение*», «*мнение*». И в зависимости от того, как они будут определяться, будет выстраиваться и представление об истине.

«*Знание*» в этом ряду выступает ключевым, исходным понятием, так как оно является и целью, и итогом процесса *познания*. Его, как правило, правомерно и неправомерно наделяют такими эпитетами как истинное или неистинное, правильное или неправильное, полное или не полное, достоверное или не достоверное, вероятностное или гипотетическое и т.п., что делает задачу определения того, что есть *знание* особенно актуальной. Так, например, в «Философском энциклопедическом словаре» под *знанием* понимается «проверенный общественно-исторической практикой и удостоверенный логикой результат процесса познания действительности, адекватное ее отражение в сознании человека в виде представлений, понятий, суждений, теорий»⁵. В «Новой философской энциклопедии» *знание* определяется как «форма социальной и индивидуальной памяти, свернутая схема деятельности и общения, результат обозначения, структурирования и осмысления объекта в процессе познания»⁶. Приведенные дефиниции, хотя и проясняют в целом суть вопроса, тем не менее даны с нарушением правила формальной логики, в соответствии с которым определение не должно заключать в себе круга, т.е. в определяющей части не должны содержаться слова однокоренные, производные от слов, которые входят в определяемую часть. В данных же случаях в определяющей части используется слово «*познание*», которое, о чем еще особо будет сказано ниже, является производным (однокоренным) от слова «*знание*», содержание которого и призваны раскрыть определяющие части приведенные выше определения. Этой ошибки не удалось избежать и С.И. Ожегову в его Словаре русского языка, где он указывает два значения понятия «*знание*»: «1. Постигание действительности *сознанием*; наука. 2. Совокупность сведений, *познаний* в какой-нибудь области»⁷.

Принимая во внимание множество различных подходов к решению этой задачи, а также то, что любое определение всегда неполно, односторонне и лишь относительно отражает суть того или иного предмета, явления, процесса, отметим, как представляется, самое существенное из того, что относится к знанию в контексте основной темы нашего разговора. *Знание* — это такое представление о реальности, которое соответствует действительности и которое, будучи положенным в основу поведения человека, его практической деятельности, дает возможность получить тот результат, на который изначально делался расчет.

Важно подчеркнуть при этом, что *знание* принципиально отличается от *веры* и *мнения*, поскольку, *знание* — это результат творческих усилий, аккумулирующих все познавательные возможности человека в контексте его опыта и практической деятельности, где эти знания находят свое подтверждение, тогда как *вера* — это тем или иным путем обретенная убежденность в правильности своих представлений. В этом контексте особо следует подчеркнуть иррациональный, чувственный, интуитивный характер веры, когда аргументация, рациональные доказательства, обоснование, а также соответствие реальности и корреляция с практической деятельностью хотя и могут играть существенную роль, тем не менее не имеют принципиального значения. Такая вера в своих крайних проявлениях именуется, как правило, «твердой», «слепой», «непоколебимой», «святой» и по сути не восприимчива к доводам разума. Также и *мнение*, которое можно определить как «суждение, выражающее чувственное отношение к чему-нибудь — оценку, взгляд и т.п.»⁸, ангажировано субъективным отношением человека к действительности и не предполагает неременного доказательства или соответствия реальности (истине). Отсюда следует, что сколько людей, столько и мнений. Мнение обычно складывается, формируется на основе сложного взаимодействия чувственных, рациональных и иррациональных факторов индивидуальной и общественной жизни и может характеризоваться как «личное», «особое», «отдельное», «общее», «распространенное», «хорошее», «плохое», «предвзятое» и т.п.

Знание же всегда доказательно, соотносится со своим рациональным обоснованием, а также с чувственно-эмоциональным восприятием и ориентировано на использование в различных сферах деятельности, где оно находит свое подтверждение конкретными результатами, на получение которых и направлена такая деятельность. Поэтому, как подчеркивает В.А. Лекторский, знание может быть только истинным⁹, т.е. адекватно соответствующим реальности. «Означают ли все эти рассуждения... элиминацию денотата понятия “ложного знания” вовсе из сознания и познания?» — задается вопросом М.И. Билалов и сам же дает на него обстоятельный и вполне убедительный ответ. «Нам думается, что его эмпирическое поле неоправданно расширено

сложившейся в гносеологии традицией, хотя “ложное знание” чаще всего ассоциируется с исторически изжившим себя своеобразным реликтовым знанием. В этой связи целесообразнее говорить о проблеме мнимого знания, отражающей недееспособность бывших в свое время истинными утверждений функционировать в качестве истин в новом социокультурном контексте. Эти утверждения, вообще говоря, никогда не теряют свою относительную истинность, но меняются их реципиенты, духовная среда последних вместе с познавательными нормами, идеалами, принципами, и, самое главное, меняется соответствующий фрагмент онтологии и практики»¹⁰.

Дальнейшие рассуждения о знании с необходимостью заставляют нас поставить вопрос о том, как и каким образом мы становимся его обладателями. Мы не ответим на этот вопрос, если не обратимся к процессу получения, приобретения знания, т.е. к установлению соответствия между реальностью и нашими представлениями о ней, что, собственно, и именуется *познанием*, которое характеризуется стремлением найти *знания*, обладать ими с тем, чтобы затем использовать их для достижения тех или иных целей. Иначе говоря, *познание* — это «поход» за знаниями, т.е. буквально — «хождение» *по знанию* (аналогично тому, как ходят, например, в лес *по грибы*, *по ягоды* с целью получения их в свое распоряжение).

Основной целью познания, следовательно, является получение такого знания, которое адекватно соотносилось бы с объектом познания, что, собственно, и составляет содержание понятия «*истина*». Можно сказать и по-другому: что главная задача, решаемая в процессе любого познания, состоит, в конечном счете, в том, чтобы установить *истину*, которая в Новой философской энциклопедии определяется как «категория философии и культуры, обозначающая идеал знания и способ его достижения (обоснования)»¹¹.

Можно также трактовать истину с гносеологической или с онтологической (бытийной) точек зрения¹². Но мы намеренно оставим без специального рассмотрения эти вопросы, равно как и рассуждения об объективности, абсолютности, относительности истины или иные ее толкования, поскольку, хотя в этой сфере и остается немало оснований для дискуссий, тем не менее, в специальной литературе упомянутым вопросам уделено уже достаточно много внимания. В то же время соотношение таких понятий как «истина», «неистина», «правда», «ложь», «заблуждение» не стало еще предметом должного осмысления; и это при том, что сами эти понятия не имеют между собой такого разграничения, которое снимало бы множество недоумений, сплошь и рядом возникающих в процессе коммуникации и практической деятельности людей¹³.

В первую очередь подчеркнем тот факт, что в языке бытового общения, а нередко и в серьезной научной литературе понятию «*истина*»

противопоставляется понятие «ложь», т.е. используется дихотомия «истина – ложь», что не только некорректно по форме, но и в корне, по сути, неправильно. На самом деле «истина» должна соотноситься с «неистиной», под которой, если исходить из принятого выше «классического» определения истины, понимается все то, что не соответствует действительности. Точнее, это такое положение дел, когда те или иные представления о реальности не соответствуют ей. С этой точки зрения, понятия «истина» и «неистина» взаимно дополняют друг друга и выступают в качестве парных категорий.

«Ложь» же в качестве своей антитезы – парной категории имеет «правду» и в основе своей опирается на субъективный умысел, намеренно искажающий правду, т.е. является *неправдой, кривдой*. В этой связи в первую очередь важно четко определиться с тем, что мы понимаем под «правдой». Отвлекаясь от множества толкований этого часто используемого понятия, подчеркнем главное, что характеризует правду.

Правда – субъективная уверенность человека в том, что он отражает истину, т.е. так понимает ту или иную реальность и так выражает ее, как она есть на самом деле. Пути достижения такой уверенности не имеют принципиального значения. Это может быть что угодно: рациональные доказательства, чувственное восприятие, догадки, интуиция, жизненный опыт, верования и т.п. Как отмечает в этой связи С.А. Лишаев, «суждение о правде – это всегда практическое, оценочное суждение, оно эмоционально окрашено и обращается не только к разуму, но также к сердцу и воле»¹⁴. При этом *правда* может совпадать с реальным положением дел, и тогда она становится тождественной *истине*, а может и не совпадать. В этом (последнем) случае речь идет о *заблуждении*, которое характеризуется тем, что человек искренне полагает, что он правильно понимает суть дела, тогда как по существу это не так. Иными словами, он имеет дело с «неистиной», хотя и не осознает этого, в чем, собственно и заключается *заблуждение*. История в области познания дает бесконечное множество примеров заблуждений не только отдельных индивидов или социумов, но и всего человечества, каковым до известного времени являлось, в частности, всеобщее представление о том, что Солнце «восходит» и «заходит», а звезды вечером «зажигаются» и утром «гаснут».

Однако не всегда дело обстоит именно так. Сплошь и рядом человек сталкивается с ситуациями, когда реальное положение дел затрагивает его интересы, оказывается неудобным, невыгодным, а то и вовсе действует на него негативным образом. И тогда у такого человека может появиться желание показать, преподнести эту реальность другим людям в искаженном, выгодном для себя свете.

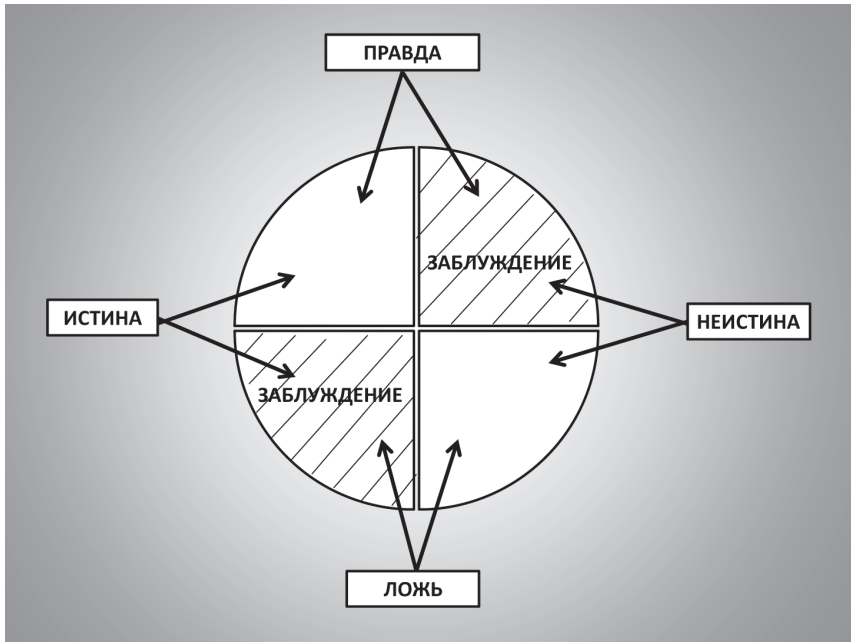
Вот такую позицию, когда человек в силу тех или иных причин осознанно, с умыслом и целенаправленно искажает реальное положение дел, выдавая все

это за *правду*, именуют *ложью*, *обманом*, а сам процесс высказывания и обоснования лжи — *враньем*. Врать, лгать, обманывать — значит под видом *правды* умышленно, заведомо зная об этом, говорить *неправду*, т.е. сознательно, преследуя личные интересы или иные цели, искажать реальность в противоположность тому, как она на самом деле представляется субъекту. Другими словами, врать — значит утверждать *ложь*, камуфлируя ее под *правду*, скрывая при этом от других свои истинные намерения и субъективно правильные представления о реальности. Ложь именуют неприкрытой, откровенной, если лжец, сознательно искажая то, как ему представляется действительность, пренебрегает очевидными фактами, доводами, аргументированными доказательствами и, явно попирая моральные принципы, жестко настаивает на своей якобы правде. Однако в жизни могут быть и такие ситуации, когда, например, во имя спасения чьей-нибудь жизни ложь оказывается необходимой и оправданной, и тогда ее именуют добродетельной¹⁵.

Разновидностью *лжи* является *лесть* — «приписывание кому-либо достоинств, которыми этот человек в действительности заведомо не обладает, или чрезмерное преувеличение реально имеющихся у него достоинств с целью создания лучшего отношения объекта»¹⁶. Другим примером лжи, если можно так выразиться, «мягкого», безобидного «вранья во благо...» являются сказки, в основе которых лежит вымысел, и в которых случаются невероятные истории, разговаривают животные, сказочные персонажи и т.п.

Заметим в этой связи, что *ложь* не может быть *правдой*, но это не означает, что она обязательно является только и всегда *неистинной*. Так, например, если субъект лжет на основе своих заблуждений, т.е. на основе несоответствия его правды реальности (о чем он, конечно же, не догадывается), то в этом случае *ложь* может случайно совпасть с реальным положением вещей, и тогда она становится адекватной *истине*. Это и будет ситуация, когда человек, намеренно (но ошибочно, по неведению) искажая свое действительное представление о реальности, полагает, что он, скрывая свою правду, вводит других в заблуждение тем, что вместо *истины*, как он думает, утверждает *неистину*, но в действительности же он как раз и говорит *истину*, сам того не подозревая. Такое положение вещей также следует именовать *заблуждением*, как и ситуацию, когда *правда* не совпадает с *истиной*, поскольку и в том, и в другом случае субъект убежден в правильности своих представлений, которые не соответствуют действительности. Примером того, как *ложь* оказывается заблуждением (оставаясь при этом, конечно же, ложью), может быть, в частности, ситуация с дальтоником, который, не зная о том, что он дальтоник, и воспринимая зеленый предмет в серых тонах, в силу тех или иных причин, желая соврать, называет его (ну, так совпало) зеленым.

Соотношение рассмотренных выше понятий для наглядности можно представить в виде следующей схемы:

На основе сказанного и принимая во внимание изменчивый характер субъективных представлений человека можно утверждать, что *правд* столько, сколько людей, равно как и то, что *заблуждений* и *лжи* — бесконечное множество, тогда как *истина* всегда одна, поскольку она не подвержена влиянию субъективного фактора и не меняется в зависимости от настроения и личностных характеристик познающего субъекта. Таким образом, если человек утверждает, что он говорит правду, мы можем ему лишь верить или не верить. Для ответа же на вопрос, является ли его правда истиной или неистинной (т.е. заблуждением или ложью), требуются специальные доказательства, преодолевающие (а, в конечном счете, и исклещающие) субъективные оценки, мнения, интересы, пристрастия и т.п.

Особую важность данная тема имеет в юриспруденции, где окончательный вердикт о виновности или невиновности (причастности или непричастности) того или иного фигуранта дела к конкретному деянию может быть вынесен только на основе выявления полного соответствия окончательного заключения реальному событию. Иными словами, правоприменительная практика базируется на установлении истины (как правило, истины факта), исключаящей любые субъективные мнения и суждения. В частности, в уголовном

судопроизводстве истина — это «соответствие действительности выводов следователя, прокурора, судьи или суда, решающего дело... Требование достижения истины — один из важнейших принципов уголовного процесса в цивилизованном государстве. В соответствии с этим принципом может быть осужден и понести ответственность только совершивший преступление, а ошибочно подвергнутый уголовному преследованию должен быть оправдан и реабилитирован»¹⁷.

Вот почему в процессе судебного разбирательства участники судебного процесса клянутся говорить правду, только правду и ничего, кроме правды, тогда как соответствие такой правды реальности, т.е. истинность (или неистинность) сказанного, устанавливается в процессе всестороннего рассмотрения дела, путем сопоставления многих правд и соотнесения их с реальностью. Оставим без специального внимания ситуацию, когда выявляется неистинность правды и вопрос о том, является ли сказанное заблуждением или ложью. Это решается, как правило, в ходе нового, дополнительного разбирательства. Нам важнее подчеркнуть изначально субъективный характер всех трех типов высказываний, характеризуемых категориями: «правда», «ложь», «заблуждение», в контексте которых, собственно, и выстраивается речь любого индивида, построенная на суждениях.

Принимая во внимание важность рассматриваемых категорий в сфере юриспруденции, заметим, однако, что в отечественном праве это обстоятельство еще не осмыслено должным образом и может свидетельствовать о недостаточной развитости правовой культуры и низком уровне правосознания. Так, например, в «Юридической энциклопедии», подготовленной ведущими отечественными юристами и изданной в 2001 г., понятию «истина» уделяется всего лишь несколько строк, а такие термины как «правда», «ложь», «заблуждение», «неистина», без которых трудно себе представить любое судебное разбирательство, и вовсе отсутствуют¹⁸.

Возвращаясь к субъективному аспекту рассматриваемых категорий, отметим, что нередко (и не без оснований на то) *правду* наделяют эпитетами: святая, горькая, колючая, суровая, неудобная; *ложь* — беззастенчивая, коварная, наглая, беспардонная, чудовищная; *заблуждение* — наивное, искреннее, детское. При этом и *ложь*, и *заблуждение* могут быть к тому же большими, незначительными или маленькими, их можно приумножить или приуменьшить. И только *истина* не нуждается ни в каких эпитетах, поскольку она не зависит от воли и желания людей, а потому не имеет оттенков, проистекающих из субъективных оценок и предпочтений. Попросту говоря, она (истина) или есть, или ее нет, или к ней приближаются посредством получения фрагментарного, относительно верного, все более полного знания. При этом если *правда* базируется на уверенности субъекта в своей правоте и в предельном значении именуется святой, т.е. предельно «чистой», ясной,

проникновенной («святая правда»), то *истина* святой быть не может, ибо она всегда объективна (т.е., как уже было сказано, не зависит от личностных качеств человека). *Истину* постигают, к ней стремятся и (при соблюдении определенных условий) открывают, *правда* же формируется в виде конкретного миропредставления и соответствующих убеждений индивида. Будучи личностно обусловленной, она может укрепляться, усиливаться, укореняться или ослабевать, разрушаться. Поэтому если *истину* поколебать нельзя, то *правду* можно, как можно дезавуировать, изблечить, раскрыть *ложь*, а *заблуждение* прояснить, преодолеть, устранить. Различные правды, в том числе и в виде заблуждений, а также псевдоправды (лжи) вступают в борьбу (сталкиваются между собой), если они касаются одного и того же предмета, но никогда не могут столкнуться истины, поскольку они, если можно так выразиться, всегда только «в одном экземпляре» применительно к той или иной конкретной реальности.

Из сказанного следует, что процесс познания всегда начинается с формирования *правды*, в основе которой — знания, опыт, чувства, эксперимент. И уже потом, через *правду*, может открыться *истина*, с которой люди, как правило, никогда не имеют дела изначально и непосредственно. Надо думать, что именно это имел в виду Александр Невский, когда утверждал, что «не в силе Бог, но в правде»¹⁹. И действительно, Бог в правде, т.е. в субъективной уверенности каждого верующего в том, что он есть, а истинно это или нет — вопрос открытый. «Божья правда», как говорит Митрополит Кирилл²⁰, — это и есть истина, т.е. так как оно и есть на самом деле. Об этом с абсолютной уверенностью действительно может судить только Бог, если он есть. Более определенно на этот счет высказывается Н.А. Бердяев, который утверждает, что «в последней глубине Истина есть Бог и Бог есть Истина»²¹. Таким образом, истину, с гносеологической точки зрения, мы вполне можем определить как «Божью правду», как высший критерий соответствия высказывания реальному положению дел.

Что касается философского контекста познания, то следует заметить, что философия хотя и стремится к *истине*, но дело имеет всегда только с *правдами* различных философов, т.е. с их *мнениями, суждениями, домыслами, убеждениями*, которые *знаниями* (в том смысле, как это определено выше) не являются, хотя по большей части и базируются на них. Вот почему вся история философии пестрит множеством философских концепций, школ, течений, направлений; и все они, претендуя на истину, предлагают на самом деле лишь только свою правду. С учетом сказанного еще убедительней становится то утверждение относительно философии, что в ней особое место занимает не столько ответ, сколько правильно (интересно) сформулированный вопрос, а сомнение ценится не меньше непоколебимой убежденности. И это тоже одна из причин того, что философия никогда не умрет и

не потеряет своей актуальности, поскольку постоянное рождение «новой правды» — суть, основной стержень того интеллектуального процесса, который именуется философией.

Несколько иначе обстоит дело с наукой. Она также стремится к истине, и также имеет дело с правдами отдельных ученых. Но, в отличие от философии, наука, посредством верификации и фальсификации теоретических конструкций и полученных ею результатов, т.е. знаний, устанавливает истины фактов или событий, подчиняющихся естественным законам, которым она (наука) дает соответствующие формулировки. Для философии такое в принципе невозможно, поскольку, если философская проблема обретает принципиальную возможность быть подтвержденной или опровергнутой, то она переходит в разряд научных проблем.

Что касается мифа и религии, которые в основе своей имеют чувства, эмоции и веру, понятие *истины* в этих формах общественного сознания отождествляется с *правдой*; в мифе она (правда) исходит от того, кто повествует, а в религии — от того, кто выступает посредником между высшими силами и верующим.

Наконец, на уровне обыденного сознания представление об истине обычно сводится к тому, что характеризуется понятиями «правильно», «неправильно», «прав», «неправ». Правым признается тот, высказывание, позиция или поступок которого, по мнению окружающих, соответствует действительности, согласуется с ней. Неправым же тот или иной человек считается тогда, когда его суждение или действия не находят взаимопонимания в оценках других людей, которые иначе воспринимают реальность, полагая, что тот, кто с их точки зрения неправ, либо заблуждается, либо лжет. Однако «прав» или «неправ» тот или иной человек — это еще требует доказательства, которое может считаться завершенным лишь при условии, что установлена истина. Но, как показывает реальная практика — один из важнейших критериев истины — на самом деле всегда остается место сомнению в ее абсолютности.

Итак, вполне очевидно, что «познание неотделимо от практического и нравственного действия; не только теоретико-диалектический дискурс, но и образ жизни философа позволяют ему выйти из состояния заблуждения, приобщиться к подлинному бытию-истине»²². А это открывает уже не только новые горизонты знания, но и новую сферу бытия человека, где хотя обладание истиной и представляет собой несомненную ценность, не меньшей ценностью является также способность, умение должным образом распорядиться истиной. Такая способность присуща далеко не каждому. При этом ей (этой способности), как следствие, традиционно сопутствует *успех, протекающий из объединения знаний, жизненного опыта и базирующихся на них практических действий, согласующихся с определенными моральными*

нормами, что, собственно, и является *мудростью*. Иными словами, быть мудрым, значит жить *по правде*, т.е. в согласии с самим собой и принятыми нормами морали, стремясь при этом к *истине*, памятуя, однако, «открытие» Сократа, что чем больше знаешь, тем больше приходит осознание своего незнания.

Не многие решаются посвятить жизнь решению этой предельно сложной задачи, хотя обладать мудростью хотел бы каждый, ибо это и есть одно из самых заветных желаний думающего человека, тем более, если он избрал делом всей своей жизни занятие философией. В этой связи трудно не согласиться с М.И. Билаловым, который, рассуждая о нравственной и социальной ответственности философа, пишет: «Мне очень близка мысль Э. Тайсиной, что философ недолго может оставаться “лишь” гносеологом: глубокие размышления обязательно приводят его к вопросам социальным, контекстно-связанным: коммуникации, истории, культуры, этики, политики и т.д.²³». Вот тут-то как раз и обретает особую ценность умение проводить различие между правдой и истиной, а также способность руководствоваться этим во всех сферах практической деятельности.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Антология мировой философии. В 4 т. Т. 1. Ч. 1. – М.: Мысль, 1969.

² Достаточно сказать, что фактически все школы и течения философской мысли этого времени уделили проблеме истины большое внимание (*позитивизм, прагматизм, экзистенциализм, неотомизм* и др.).

³ См.: *Касавин И.Т. Истина* // Новая философская энциклопедия. В 4 т. Т. 2. – М.: Мысль, 2001. С. 169 – 172; *Микешина Л.А. Философия познания. Полемика главы*. – М.: Прогресс-традиция, 2002; *Билалов М.И. Зависимость познавательной культуры от толкования истины* // Вестник Московского университета. Серия 7: Философия. 2011. № 2. С. 3 – 8; Что есть истина? Тезисы докладов Всероссийской научно-практической конференции (г. Махачкала, 6 – 7 сентября 2013 г.). – Махачкала: Издательство ДГУ, 2013.

⁴ См.: URL: <http://www.asmolovpsy.ru/ru/books/90>

⁵ Философский энциклопедический словарь. – М.: Советская Энциклопедия, 1983. С. 192.

⁶ *Касавин И.Т. Знание* // Новая философская энциклопедия. В 4 т. Т. 2. С. 51.

⁷ *Ожегов С.И. Словарь русского языка*. 13-е изд., испр. – М.: Русский язык, 1981. С. 208.

⁸ *Абрамова Н.Т. Мнение* // Новая философская энциклопедия. В 4 т. Т. 2. С. 585.

⁹ *Лекторский В.А. Эпистемология классическая и неклассическая*. – М., 2001; *Лекторский В.А. Субъект, объект, познание*. – М., 1980.

¹⁰ *Билалов М.И. Истина между мнением и знанием. От Платона до постмодернизма*. – URL: <http://www.congress2008.dialog21.ru/Doklady/02210.htm>

¹¹ *Касавин И.Т. Истина*. С. 169.

¹² См.: *Каган М.С. Философская теория ценности*. – СПб., 1997. С. 69 – 70; *Столович Л.Н. О ценности истины и об истине ценности* // Философия познания. К юбилею Л.А.Микешинной. – М.: РОССПЭН, 2010. С. 278 – 279.

¹³ Достаточно сказать, что даже в Новой философской энциклопедии, изданной в 4 томах (М.: Мысль, 2001) не нашлось места таким понятиям, как «неистина» и «правда».

¹⁴ Лишаев С.А. «Правда» и «истина» (языковая концептуализация мира и тематическое своеобразие русской философии). Цит. по: Столович Л.Н. О ценности истины и об истине ценности. С. 282.

¹⁵ Карпенко А.С. Ложь // Новая философская энциклопедия. В 4 т. Т. 2. С. 447 – 448.

¹⁶ URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki/%CB%E6%FC>

¹⁷ Ларин А.М. Истина // Юридическая энциклопедия / отв. ред. Б.Н. Топорнин. – М.: Юрист. 2001. С. 405.

¹⁸ См.: Юридическая энциклопедия / отв. ред. Б.Н. Топорнин.

¹⁹ URL: <http://russned.ru/istoriya/aleksandr-nevskiy-ne-v-sile-bog-no-v-pravde>

²⁰ Где живет Божья правда. Комментарии к выступлению патриарха Кирилла. – URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/707992.html>

²¹ Бердяев Н.А. Истина и откровение. Прологомены к критике Откровения. – СПб., 1996. С. 21.

²² Касавин И.Т. Заблуждение // Новая философская энциклопедия. В 4 т. Т.2. – М.: Мысль, 2001. С. 32.

²³ Билялов М.И. Как обновить гносеологию? // Вестник Российского философского общества. 2011. № 4. С. 191.

REFERENCES

Abramova N.T. Opinion. *Novaya filosofskaya entsiklopediya* [New Encyclopedia of Philosophy]. 4 volumes. Vol. 2. Moscow, Mysl [Thought], 2001 (in Russ).

Anthology of World Philosophy. Vol. 4. Part 1. Moscow, Mysl [Thought], 1969 (in Russ).

Berdyayev N.A. *Truth and revelation. Prolegomena to criticism of Revelation*. Saint Petersburg, 1996 (in Russ).

Bilalov M.I. Dependence of cognitive culture of interpretation of the truth. *Bulletin of Moscow University*. Series 7. Philosophy. 2011. No 2, pp. 3 – 8 (in Russ).

Bilalov M.I. *Truth between opinion and knowledge. From Plato to postmodernism*. Available at: <http://www.congress2008.dialog21.ru/Doklady/02210.htm> (in Russ).

Bilalov M.I. How to update epistemology? *Bulletin of the Russian Philosophical Society*. 2011. No. 4 (in Russ).

Juridical Encyclopedia. B.N. Topornin (Ed.). Moscow, Yurist [Legist], 2001 (in Russ).

Kagan M.S. *Philosophical theory of value*. Saint Petersburg, 1997. 205 p. (in Russ).

Karpenko A.S. Lie. *Novaya filosofskaya entsiklopediya* [New Encyclopedia of Philosophy]. 4 volumes. Vol. 2. Moscow, Mysl [Thought], 2001, pp. 447 – 448 (in Russ).

Kasavin I.T. Truth. Knowledge. Delusion. *Novaya filosofskaya entsiklopediya* [New Encyclopedia of Philosophy]. 4 volumes. Vol. 2. Moscow, Mysl [Thought], 2001 (in Russ).

Larin A.M. Truth. *Juridical Encyclopedia*. B.N. Topornin (Ed.). Moscow, Yurist [Legist], 2001 (in Russ).

Lektorsky V.A. *Classical and nonclassical Epistemology*. Moscow, URSS, 2001. 256 p. (in Russ).

Lektorsky V.A. *Subject, object, cognition*. Moscow, Nauka [Science], 1980. 358 p. (in Russ).

Mikeshina L.A. *Philosophy of knowledge. Polemical chapters*. Moscow, Progress-tradition, 2002 (in Russ).

Ozhegov S.I. *Dictionary of Russian Language*. Moscow, Russian Language, 1981 (in Russ).

Philosophical Encyclopedic Dictionary. Moscow, Soviet Encyclopedia, 1983 (in Russ).

Stolovich L.N. The value of truth and the truth value. *Philosophy of knowledge. On the anniversary of L.A. Mikeshina*. Moscow, Russian Political Encyclopedia, 2010 (in Russ).

What is truth? *Abstracts of All-Russian Scientific-Practical Conference* (Makhachkala, 6 – 7 September 2013). Makhachkala, Dagestan State Univ. Publ., 2013 (in Russ).

Where does God's truth live? Comments to the statement of Patriarch Kirill. Available at: <http://www.patriarchia.ru/db/text/707992.html> (in Russ).

Аннотация

В статье анализируются важнейшие понятия эпистемологии: «истина», «правда», «ложь», «заблуждение». Противопоставляя ложь и правду, автор отмечает их непрременную субъективную обусловленность в отличие от истины и показывает актуальность такого различия применительно к юриспруденции, науке и философии. При этом подчеркивается, что обладание истиной в сочетании с опытом и моральными принципами открывает путь к мудрости.

Ключевые слова: истина, ложь, правда, неправда, заблуждение, знание, познание, философия, наука, мудрость.

Summary

The article analyzes the most important epistemological categories: verity, truth, lie, delusion. Contrasting the lie to the truth, the author emphasizes their, unlike the verity's, being permanently conditioned by subjectivity and demonstrates how topical is this differentiation with regard to law, science and philosophy. The author stresses that knowing the verity together with experience and moral principles opens the path to wisdom.

Keywords: verity, lie, truth, untruth, delusion, knowledge, cognition, philosophy, science, wisdom.